

Э.С.Луховицкая

Много лет рядом

Впервые я увидела Эдуарда Зиновьевича Любимского (или Сашу, как мы его все называли) осенью 1950 года.

Я тогда училась на первом курсе мех-мата. Однажды подружка, с которой мы прогуливались по коридорам в перерыве между лекциями, толкнула меня в бок и сказала: «Посмотри на студента у стены, это Саша Любимский». Я увидела красавца с роскошными золотистыми локонами. Очень серьезного. Через несколько дней этот красавец оказался на комсомольском собрании нашей группы. Тогда так было принято: посылать старших товарищей (а Саша был уже студентом второго курса) к новичкам. Собрание было вялым, а Саша был все так же серьезен и красив. Когда все кончилось, он ушел, не сказав ни слова.

Через несколько лет, когда я уже была студенткой четвертого курса вычислительной группы, мой научный руководитель Алексей Андреевич Ляпунов велел мне непременно прийти на ближайший семинар пятого курса: «Саша Любимский

будет рассказывать про Программирующую программу». Я была весьма заинтригована, видя, как серьезно к этому докладу относится Алексей Андреевич. Старалась понять, но, увы, почти ничего не поняла.

Все стало постепенно разъясняться, когда я пришла на преддипломную практику в ОПМ МИ АН СССР (так тогда назывался ИПМ). Руководителем моего диплома был назначен Саша. Что же я увидела, придя в первый раз к своему руководителю? Саша вместе с Сергеем Сергеевичем Камыниным, своим многолетним коллегой, что-то пишут на бланках машины Стрела, а потом эти бланки склеивают в длину, чтобы получилась такая длинная простыня или, скорее, полотенце. Мне ничего не объясняют, говорят «проникайся духом». Потом это полотенце расстилают на полу в узкой комнате между столами и диваном. Я сижу на диване, поджав ноги, и очень боюсь неосторожным движением повредить что-нибудь. Потом они улеглись на это полотенце и что-то там стали править. Это, наверное, «отладка» — подумала я. Термин «отладка» я слышала, но не знала, что он означает. И вот так, сидя на диване и глядя в простыню, я вдруг увидела, что во всех командах с кодом 02 первый и третий адреса одинаковые, а в одной – разные. Я набрала воздуха в легкие и спросила, почему это так. Мои начальники развеселились и сказали, что они открыли новый способ руководства преддипломной практикой. Так и нужно (дело в том, что я, ничего не понимая, заметила описку).

Потом я узнала, что простыня — это первый вариант программирующей программы — ПП-1. Что писался он в свободное от работы время. В план

отдела эта работа не входила. Нужно заметить, что работа программистов в то время состояла в следующем: математики разрабатывали методику решения задачи, писали формулы, задавали начальные данные, а программисты переводили все это в код машины, пускали на счет, отлаживали, т. е. исправляли ошибки, и готовую программу вручали математикам.

Не помню точно, в какой момент создания ПП-1, начальник нашего отдела Михаил Романович Шура-Бура пошел на прием к директору института Мстиславу Всеволодовичу Келдышу. Он рассказал о сути работы ПП-1 и попросил разрешения включить ее в план работы отдела. Мстислав Всеволодович высоко оценил услышанное и такое разрешение дал. Это было чрезвычайно важно, так как мы получили собственное научное направление. С тех пор «автоматизация программирования» стала нашей темой на много лет. Это, кстати, значило, что мы можем для новой темы получать машинное время. Ведь на весь институт тогда была одна машина Стрела, и каждая дельта времени ценилась на вес золота.

Вторая Программирующая программа (ПП-2) создавалась уже коллективом сотрудников. Она была разбита на части (блоки, как мы их тогда называли). Арифметический блок писал Саша, блок переадресации — Сергей Сергеевич, я — блок обработки логических условий, Сева Штаркман — блок экономии рабочих ячеек, блок восстановления — Тамара Петровна Кузнецова. Руководителем был назначен Саша. Мы с увлечением взялись за новое для нас дело. Впоследствии эти работы были опубликованы в сборнике «Проблемы кибернетики», № 1, Москва, 1958. Вначале шла общая

статья: «Э.З.Любимский, С.С.Камынин, М.Р.Шура-Бура. Об автоматизации программирования при помощи программирующей программы», затем статьи некоторых авторов блоков.

Во время отладки ПП-2 случился характерный эпизод. На одном из первых тестов неправильно проработала моя программа. «Ну что же это вы, Лина, у всех все идет, а у вас ошибка», — сердито говорит Сергей Сергеевич. Я уже готова пустить слезу, но тут подходит Саша, кладет на плечо руку и, улыбаясь, спрашивает: «Ну, что тут у тебя стряслось?». Через минуту ошибка была найдена. И так было всегда. Никогда я не видела ни недовольствия на его лице, ни раздражения, всегда спокойствие, уверенность, всегда с юморком «Ну, что там у тебя?».

ПП-2 была написана и отлажена. Не помню, как остальные сотрудники нашего отдела, но я писала программы для математиков уже не в кодах, а на языке ПП-2, который, к сожалению, не сохранился.

В 1960 г. Саша успешно защитился. Тема его диссертации звучала так: «Об автоматизации программирования и методе программирующих программ». Руководитель: профессор М.Р.Шура-Бура. Защита прошла успешно в Вычислительном центре АН СССР.

Банкета не было, просто собрались человек 7-8 и отметили появление первого кандидата наук в нашем отделе.

И еще я хотела бы вспомнить об удивительной особенности Саши: невероятной скорости мышления. Это было заметно на каждом шагу. Сотрудница задает вопрос. Она еще не успела кончить, как получает ответ. И еще заданный вопрос, сформу-

лированный более четко. А в полемике он был просто поразителен. В 60-70-е годы бывало много конференций и даже два съезда по программированию. И вот во время Сашиного доклада один из его оппонентов (а их было немало) задает ему язвительный вопрос. И немедленно получает не менее язвительный ответ. И это бывало не раз. Помню высказывание одного из наших сотрудников, яркого противника Саши: «Любимский — это компьютер, делаешь ему замечание и тут же получаешь такой ответ, что потом сутки думаешь, как бы ему возразить».

Саша всю жизнь проработал в ИПМ. За это время наши пути то сходились, то расходились по разным темам, но я постоянно чувствовала его присутствие. В трудную минуту он всегда оказывался рядом.

Саша навсегда останется в моей памяти человеком острого ума, благородства, надежности, преданности своим близким и друзьям.